

УДК 81'42:81-116.3

## ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА

*Дорофеев Ю.В.*

*Актуальность.* Термин «дискурс» является, пожалуй, самым популярным и менее всего определенным в современной лингвистике. Спектр его употребления чрезвычайно широк. Как отмечает М.Л. Макаров, дискурс является одним из наиболее сложных понятий в современной науке и само его определение «уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения» [5, с.85-86]. Вследствие этого в современной лингвистике возникла необходимость определить отношения между текстом, дискурсом и коммуникацией.

В связи с этим мы ставим в нашей работе следующую *цель*: определить особенности описания текста как единицы дискурса. Достижение этой цели предполагает решение следующих *задач*:

- разграничить понятия «текст» и «дискурс», опираясь на работы современных исследователей;
- определить признаки, которые характеризуют текст как единицу дискурса;
- на примере художественных текстов продемонстрировать особенности анализа текста как единицы дискурса.

*Постановка проблемы.* Ф.С. Бацевич полагает, что все определения дискурса можно свести к двум наиболее обобщенным: 1) дискурс – это текст, погруженный в жизнь; 2) дискурс – это дискурсивные практики, живое общение, коммуникация [2, с.94-95]. На наш взгляд, эти определения не дают возможности четко разграничить текст и дискурс как самостоятельные объекты изучения. Поэтому мы будем исходить из того, что «термин «дискурс» неуклонно стремится отождествиться с термином «семиотический процесс» [3, с.491] и что «специфика дискурса определяется тем, что он располагается по ту сторону языка, но по эту сторону высказывания, т.е. дан *после языка*, но *до высказывания*» [7, с.367] (высказывание здесь равно тексту). Именно с этой точки зрения и дает определение дискурса В.В. Красных: «дискурс – вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты» [4, с.180]. Учитывая все сказанное, мы принимаем это определение термина дискурс в качестве рабочего. Соответственно, в рамках нашей концепции мы рассматриваем текст «не столько как «изолированный» феномен, своего рода «вещь в себе», сколько как феномен, непосредственно связанный с экстралингвистической реальностью (и в том числе с когнитивными явлениями), и следовательно, как единицу дискурса» [4, с.189]. Дискурс же входит как составная часть, наряду с ситуацией, в понятие коммуникации. То есть дискурс, включающий в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется в коммуникации и в ней функционирует.

Подводя промежуточный итог, можно отметить следующее. Во-первых, анализ дискурса должен проходить «на стыке» нескольких наук, прежде всего психологии и лингвистики. Во-вторых, многие ученые пришли к идее о «первичности» текста: «с одной стороны, в процессе коммуникации мы говорим не отдельными, разрозненными предложениями, но текстами, с другой – именно текст получает исследователь языка в качестве исходного материала для анализа» [4, с.191], поэтому именно текст является объектом изучения в нашей работе, хотя мы и предполагаем, что рассмотрение текста в рамках только лингвистики является в некоторой мере неполным.

Попытаемся теперь определить свойства текста как единицы дискурса.

Вслед за М.М. Бахтиным, мы полагаем, что любой текст как целое «является одним и единым реальным высказыванием, имеющим реального автора и реально ощущаемых и представляемых этим автором адресатов» [1, с.297]. При этом автор с необходимостью предполагает наличие у своего адресата определенного опыта, определенных жизненных впечатлений и т.д. Именно эти характеристики текста позволяют рассматривать его в дискурсивном аспекте, ведь «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [1, с.260]. Таким образом, на первый план выступает функциональная направленность текста. Поэтому в нашем исследовании мы будем рассматривать текст как функциональную систему, то есть такую, «возникновение и существование которой обусловлено необходимостью выполнения некой социально значимой функции» [6, с.41]. Термин «функция» мы истолковываем в каузальном значении (как назначение) и, соответственно, исходим из положения, что текст является орудием формирования, экспликации и навязывания мысли. То есть системообразующей функцией, определяющей саму сущность текста, является *воздействие в разных формах* [7].

Второй особенностью текста как единицы дискурса будет то, что автор *всегда* учитывает реакцию реципиента и продуцирует текст «под большим или меньшим влиянием адресата и его превосхищаемого ответа» [1, с.298] (под ответом в данном случае подразумевается предполагаемая реакция). При этом важно иметь в виду, что «активно-ответное понимание услышанного (например, команды) может непосредственно реализоваться в действие, может остаться до поры до времени молчаливым ответным пониманием» [1, с.260].

Следовательно, описание и анализ отдельно взятого текста в дискурсивном аспекте предполагает, во-первых, реконструкцию (поиск) текста, ответом на который является анализируемое произведение, и, во-вторых, прогнозирование реакции адресата (читателя/слушателя), в расчете на которого продуцируется текст (под реакцией адресата мы понимаем такое восприятие текста, которое предполагал получить автор). Реакцию реципиента особенно важно учитывать при анализе художественного текста, одна из особенностей которого заключается в том, что при его восприятии возникают дополнительные эффекты, которые могут быть связаны с ситуацией восприятия, особенностями сознания реципиента и т.д. На наш взгляд, проблема анализа и описания всего спектра возможных реакций на текст относится к области психолингвистики. Поэтому мы сосредоточимся на том, каким образом текст осуществляет функцию воздействия в рамках дискурса. В качестве примера рассмотрим ряд художественных

текстов, которые соотносятся в идейном плане, представляют собой единый дискурс и, соответственно, могут рассматриваться как ответы друг на друга.

В качестве признака, позволяющего выделять в художественной литературе типы дискурса, мы полагаем возможным рассматривать связь проблематики отдельного текста с одной из так называемых «вечных тем». Одной из таких тем является представление о любви как о силе, способной преодолеть любые препятствия. Наиболее четко эта идея была сформулирована И.С. Тургеневым в его «Стихотворениях в прозе»: «Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь». Такое толкование любви глубоко укоренилось в художественной литературе и является исходным для многих текстов («Мастер и Маргарита» и др.). Однако попробуем проследить, как видоизменялось это представление в поэтическом дискурсе XX века.

Для сопоставительного анализа нами были отобраны три стихотворения: «Жди меня» К. Симонова, «Баллада о любви» В. Высоцкого и «Баллада о прокуренном вагоне» А. Кочеткова. Все эти тексты хорошо известны, и для нас важно, что все они исходят из сформулированного выше представления о любви. Однако авторы приходят к разным выводам.

В стихотворении К. Симонова любовь рассматривается как средство защиты от войны и от смерти («Ожиданием своим Ты спасла меня»). Главным при этом оказывается сила любви («Только очень жди»). Любовь противопоставляется всем невзгодам военного времени: «Жди, когда снега метут, Жди, когда жара, Жди, когда других не ждут», «Жди, когда из дальних мест Писем не придет, Жди, когда уж надоест Всем, кто вместе ждет» и т.д. Это противопоставление и является движущей пружиной текста. Из этого противопоставления вытекает авторское представление о любви, которая выступает в единстве с верой. То есть любовь способна преодолеть все преграды, когда она подкрепляется верой в то, что любимый человек вернется, несмотря ни на что.

В «Балладе о любви» В. Высоцкого любовь выступает как проявление мистической связи между людьми («волшебная невидимая нить»). Любовь в интерпретации В. Высоцкого чрезвычайно требовательна («с рыцарей своих для испытаний Все строже станет спрашивать она») и таит в себе опасность («многих, захлебнувшихся любовью, Не докричишься, сколько ни зови»). Однако эта «нить» оказывается настолько крепкой, что люди, связанные ею, не расстанутся уже никогда: «Их голосам дано сливаться в такт, И душам их дано бродить в цветах, И вечностью дышать в одно дыханье, И встретиться со вздохом на устах На хрупких переправах и мостах, На узких перекрестках мироздания». Таким образом, любовь в этом стихотворении выступает как сила, которая дает возможность влюбленным быть вместе даже после смерти.

Принципиально иное толкование любви дано в «Балладе о прокуренном вагоне» А. Кочеткова. Обратим внимание на то, как поэт вводит в сознание читателя новую концептуальную структуру, противопоставленную всему предшествующему художественному опыту последнего.

Общее содержание начальных строф (до слов «Трясься в прокуренном вагоне...») сводится к следующему: разлука доставляет страдания и боль любящим, но если они любят друг друга, то они преодолеют все преграды и будут снова вместе («За расставаньем будет встреча»). Сила этих строк заключается в том, что читатель,

благодаря включенности в определенный художественный дискурс, настраивается на определенное развитие сюжета. Он вправе ожидать далее описания встречи после разлуки, которая подтвердит правильность сделанных им выводов. Но что же происходит дальше?

Далее перед нами описание железнодорожной катастрофы: «Нечеловеческая сила, В одной давилъне всех калеча». Здесь обращает на себя внимание слово «всех», то есть каждого. Однако даже в этот момент читатель ожидает, что затем будет идти оборот, начинающийся со слова «кроме». И герой будет единственным, кто спасется. Это было обещано предыдущим текстом и опытом читателя! Но затем следуют четыре строки, которые противоречат всему, что было сказано в предыдущих строках: «И никого не защитила Вдали обещанная встреча, И никого не защитила Рука, зовущая вдали». Все ожидания читателя разрушены: герой погиб, и то, что должно было его уберечь от смерти (а именно встреча с любимой), ничем не помогло ему.

Как нам представляется, из этого противоречия автор предлагает сделать читателю единственный вывод: любовь не всемогуща. То есть в этом стихотворении отрицается представление о любви как о чувстве, способном все преодолеть.

Это стихотворение явно контрастирует со стихотворениями К. Симонова и В. Высоцкого: «И никого не защитила вдали обещанная встреча...»/«Жди меня, и я вернусь»/«И душам их дано ... встретиться со вздохом на устах». В стихотворении К. Симонова любовь побеждает смерть, в стихотворении В. Высоцкого смерть не является помехой для встречи влюбленных, более того, она позволяет им быть вместе вечно. А в «Балладе о прокуренном вагоне» смерть – это расставание навек. Соответственно, идейное содержание двух первых стихотворений основано на предположении, что влюбленные после всех невзгод должны обязательно встретиться и будут вместе всегда, в то время как содержание «Баллады о прокуренном вагоне» основано на предположении, что любовь не является всемогущей силой, защищающей и берегущей влюбленных.

Особенно интересным представляется то, что баллады В. Высоцкого и А. Кочеткова были написаны приблизительно в одно время. Но при этом в произведении В. Высоцкого продолжается развитие и обогащение традиционного для поэтического дискурса представления о любви, а стихотворение А. Кочеткова, хотя и исходит из общего толкования любви, но разрабатывает эту тему в совершенно ином ключе. Здесь мы можем наблюдать разветвление одного дискурса в определенной точке, при этом каждая ветвь обретает самостоятельное значение.

На основе сказанного можно сделать следующие *выводы*. Во-первых, анализ текста как единицы дискурса предполагает, что «каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний, с которыми оно связано общностью сферы речевого общения. Каждое высказывание прежде всего нужно рассматривать как *ответ* на предшествующие высказывания данной сферы» [1, с.287]. Во-вторых, при таком понимании сущности текста объектом изучения становится процесс его функционирования в речи, а не разрозненные произведения. В-третьих, только в этом случае учитывается функциональная направленность текста, его назначение.

**Список литературы**

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249-298.
2. Бацевич Ф.С. Нариси з комунікативної лінгвістики. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 281 с.
3. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 487-516.
4. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 278 с.
6. Рудяков А.Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
7. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
8. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 350-369.

*Поступила в редакцию 01.03.2006*